

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-129

EDN: JTNQNF

Понятие предмета в отечественной эмпирической психологии

Никита Анатольевич Власов¹, Владимир Александрович Мазиллов²

¹Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, Российский государственный социальный университет. 129226, Москва, ул. В. Пика, д. 4, стр. 1

²Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹VlasovNA@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0001-6459-570X>

²v.mazilov@yspu.org <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Аннотация. В статье рассмотрено понятие предмета психологии с точки зрения сторонников отечественной эмпирической психологии. Цель исследования – выявить взгляды ее представителей (М. И. Владиславлев, М. М. Троицкий, Н. Я. Грот, Г. И. Челпанов, А. П. Нечаев) на предмет психологической науки и проанализировать их противостояние по данному вопросу приверженцам других течений в отечественной психологической мысли в период с последней четверти XIX века до середины 1920-х годов; для достижения поставленной цели были использованы сравнительно-исторический и библиографический методы, категориальный анализ; источниковую базу исследования составили монографии, учебники и статьи представителей эмпирической психологии, а также работы их научных оппонентов. В первой части статьи дается краткая характеристика российской эмпирической психологии. Далее следует описание представлений сторонников этого направления о предмете психологической науки, показано, что в качестве его выступают феномены сознания («душевные явления»). Следующие две части статьи посвящены анализу методологического противостояния представителей эмпирической психологии и сторонников двух других направлений – философского в дореволюционный период и поведенчества в послеоктябрьский. В завершении статьи делаются выводы о том, что интроспективная психология сыграла в целом позитивную роль в истории отечественной науки, способствовала отделению психологии от философии и не позволила ей быть поглощенной физиологией и, выполнив эту задачу, прекратила свое существование как по чисто научным, так и по социально-политическим причинам.

Ключевые слова: история психологии; история понятий; концептуальная история; эмпирическая психология; интроспективная психология; предмет психологии; библиографический метод; категориальный анализ

Для цитирования: Власов Н. А., Мазиллов В. А. Понятие предмета в отечественной эмпирической психологии // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1 (142). С. 129–139. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-1-142-129>. <https://elibrary.ru/JTNQNF>

Original article

The concept of a subject in russian empirical psychology

Nikita A. Vlasov¹, Vladimir A. Mazilov²

¹Candidate of psychological sciences, associate professor at department of psychology, conflictology and behavioristics, Russian state social university. 129226, Moscow, V. Pik st., 4, building 1

²Doctor of psychological sciences, professor, head of department of general and social psychology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹VlasovNA@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0001-6459-570X>

²v.mazilov@yspu.org <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Abstract. The article examines the concept of the subject of psychology from the point of view of supporters of Russian empirical psychology. The purpose of the study is to identify the views of its representatives (M. I. Vladislavlev, M. M. Troitsky, N. Ya. Grot, G. I. Chelpanov, A. P. Nechaev) on the subject of psychological science and analyze their confrontation on this issue with adherents of other trends in Russian psychological thought in the

period from the last quarter of the XIX century to the middle 1920-s. To achieve this goal, comparative historical and bibliographic methods, categorical analysis were used; the source base of the study was monographs, textbooks and articles by representatives of empirical psychology, as well as the work of their scientific opponents. The first part of the article provides a brief description of Russian empirical psychology. The following is a description of the ideas of the supporters of this trend about the subject of psychological science, it is shown that it is the phenomena of consciousness («mental phenomena»). The next two parts of the article are devoted to the analysis of the methodological confrontation between representatives of empirical psychology and supporters of two other directions – philosophical in the pre-revolutionary period and behavioral in the post-October period. At the end of the article, it is concluded that introspective psychology played a generally positive role in the history of Russian science, contributed to the separation of psychology from philosophy and did not allow it to be absorbed by physiology, and, having completed this task, ceased to exist both for purely scientific and socio-political reasons.

Key words: history of psychology; history of concepts; conceptual history; empirical psychology; introspective psychology; subject of psychology, bibliographic method; categorical analysis

For citation: Vlasov N. A., Mazilov V. A. The concept of a subject in russian empirical psychology. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (1): 129-139. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-1-142-129>. <https://elibrary.ru/JTNQNF>

Введение

Большой психологический словарь определяет под эмпирической психологией особую дисциплину, «которая описывает и изучает конкретные явления психической жизни (в отличие от рациональной психологии, занимающейся “бессмертной” душой). Задачей эмпирической психологии считалось наблюдение за отдельными психическими фактами, их классификация, установление проверяемой на опыте закономерной связи между ними» [Большой психологический словарь, 2003, с. 564]. К концу XIX века завершилось методологическое размежевание естественнонаучной (изучающей «объективные», внешне наблюдаемые проявления психики) и интроспективной (изучающей феномены сознания) ветвей психологии, в силу чего «эмпирической» стала именоваться последняя.

А. В. Петровский, характеризуя развитие психологии в дореволюционной России, отмечал: «В этот период оформляются и реально противостоят друг другу три основные направления в психологии, которые в свою очередь подразделяются на многочисленные школы. Эти направления могут быть условно обозначены следующим образом: философская умозрительная психология, естественнонаучная психология и эмпирическая психология» [Петровский, 1984, с. 13].

Отношение к российской эмпирической психологии в отечественной историографии зависело от социально-политических условий. В советское время было принято критиковать представителей этого течения за идеализм (проявлявшийся в отрицательном отношении к материализму в философии и приверженности концепции психофизического параллелизма) и научную реакционность (недооценка значимости метода

эксперимента в психологических исследованиях в дореволюционный период и борьба против марксистской перестройки психологии в послереволюционный), хотя и признавали их отдельные достижения (создание Психологического института Г. И. Челпановым, организация съездов по педагогической психологии А. П. Нечаевым и др.). Такова в целом позиция советских историков психологии – А. В. Петровского [Петровский, 1967], Е. А. Будиловой [Будилова, 2008], М. Г. Ярошевского [Ярошевский, 1985] и других авторов.

В постсоветской России в вопросе о вкладе представителей эмпирической психологии в историю отечественной науки стали преобладать более взвешенные, скорее позитивные оценки. Идеализм больше не являлся пороком (реабилитированы были даже сторонники философского направления в психологии, которое советские историки психологии оценивали еще более негативно, чем сторонников эмпирического), признавались заслуги представителей российской интроспективной психологии в вопросах изучения сознания и психических процессов, достижения в области организационной и педагогической деятельности, способствовавшие ускорению институционализации психологии в нашей стране. Такова в общем позиция современных российских историков психологии – А. Н. Ждан [Ждан, 2024], С. А. Богданчикова [Богданчиков, 2013], В. В. Рубцова [Рубцов, 2012] и других авторов.

Как известно, методология выполняет фундаментальную функцию для любой науки. В случае психологии значимость такого рода вопросов, в первую очередь касающихся проблем предмета и метода, может быть сравнима с их «болезненностью» [Мазиллов, 2015]. Кризисы, периодически происходящие в этой науке, в основном яв-

ляются кризисами методологическими [Мазилов, 2007; 2020]. Однако проблема предмета психологии не представляется исключительно проблемой сегодняшнего дня, ее постановка и попытки решения носят исторический характер.

В ряде наших недавних публикаций было показано значение истории понятий (концептуальной истории) для истории психологической науки [Власов, 2024; 2023; Мазилов, 2024]. Одним из таких базовых для психологии понятий является понятие ее предмета. Цель исследования – выявить взгляды представителей эмпирической психологии на ее предмет и проанализировать их противостояние по данному вопросу с представителями других течений в отечественной психологической мысли в период с последней четверти XIX века до середины 1920-х годов; для достижения поставленной цели были использованы сравнительно-исторический и библиографический методы, категориальный анализ; источниковую базу исследования составили монографии, учебники и статьи представителей эмпирической психологии, а также работы их научных оппонентов.

Результаты исследования

Общая характеристика российской эмпирической психологии. Эмпирическая психология представляет собой одно из направлений в дореволюционной российской психологии наряду с философским (спиритуалистическим) и естественнонаучным («экспериментальным»). А. В. Петровский относит к этому лагерю Г. И. Челпанова, А. П. Нечаева, Г. И. Россолимо, И. А. Сикорского, В. Ф. Чижа [Петровский, 1967] (речь идет, правда, о непосредственно предшествующих Октябрьской революции годам). Другие авторы дополняют этот список учеными, ушедшими из жизни до 1900 года, такими как М. И. Владиславлев, М. М. Троицкий, Н. Я. Грот [Психологическая наука ..., 1997].

В советской историографии сторонников эмпирической психологии рассматривали как бы пытающимися стоять над идеологической схваткой между идеалистическим, реакционным религиозно-философским и материалистическим, прогрессивным естественнонаучным направлением; в силу этого они оказывались под огнем критики как справа, так и слева [Петровский, 1967].

Указанные ученые были способными педагогами и организаторами психологии как науки (Троицкий и Грот руководили Московским пси-

хологическим обществом, Челпанов создал первый в России Психологический институт, а Нечаев возглавил первую экспериментально-психологическую лабораторию в области педагогики). Эти психологи в основном придерживались концепции психофизического параллелизма, согласно которой психические и физиологические процессы человека строго соответствуют друг другу и во времени, и в содержании, но не взаимодействуют между собой.

В своих представлениях о природе психического они опирались не на религиозную (В. С. Соловьев, Е. Н. и С. Н. Трубецкие и др.) и не материалистическую (И. М. Сеченов) отечественные традиции, а на концепции западноевропейских ученых, в первую очередь В. Вундта. Считая основным методом изучения состояний сознания интроспекцию, сторонники эмпирического подхода видели ее в качестве инструмента не только самопознания, но и способа познания душевных явлений других людей: только имея собственный опыт научного самонаблюдения, писал Г. И. Челпанов, возможно верно понять и адекватно интерпретировать состояния другого человека.

Методологические противоречия эмпирической психологии проявлялись в ее отношении к эксперименту. Веяния времени требовали учитывать влияние контовского позитивизма, согласно которому истинно научное знание могло быть получено исключительно посредством внешнего наблюдения и эксперимента. Сторонники эмпирической психологии признавали ценность эксперимента, Г. И. Челпанов, основав первый в России психологический институт и оснастив его по последнему слову техники, способствовал тем самым распространению экспериментального метода (хотя, надо признать, невропатологи и психиатры В. М. Бехтерев, С. С. Корсаков, А. А. Токарский и др. начали эту работу еще в конце XIX века). Однако, будучи сторонником В. Вундта, Челпанов рассматривал эксперимент не в качестве основного метода, как это делали указанные выше ученые, а в качестве инструмента улучшения интроспекции: «Современное положение эксперимента таково, что он не только не имеет решающего значения, а не составляет главной основы психологии» [Челпанов, 1896, с. 14].

Некоторые сторонники эмпирического направления, такие как А. П. Нечаев, стремились увязать психологию с практикой; другие же, в том числе Г. И. Челпанов, считали ее чисто

академической наукой и не придавали большого значения практическому применению полученных в ходе исследований результатов. В итоге интроспективная психология оказала заметное влияние на развитие общей, педагогической и возрастной психологии в России.

Определение предмета психологии сторонниками ее эмпирического направления. Эмпирическая психология испытала на себе влияние английского эмпиризма, позитивизма и вундтовского интроспекционизма. Еще в 1881 году ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета и его будущий ректор, философ-кантианец М. И. Владиславлев в работе «Психология» писал о предмете этой науки: «При самом начале наших исследований, мы ограничиваемся предметом их: психология есть наука о душевных явлениях. Как ни далеко расходятся психологи в ответах на вопросы науки, но все они могут сойтись на этом указании: наша наука несомненно должна иметь дело с душевными явлениями» [Владиславлев, 1881, с. 1].

Четырьмя годами позже, в речи, произнесенной на первом публичном заседании по его инициативе организованного Московского психологического общества, М. М. Троицкий так определил предмет психологической науки: «Понятие о духе как предмете психологии получается через отвлечение, с одной стороны, от предмета наук физических, то есть материи или тела, с которым он находится в связи, – с другой, от предмета наук социальных или политических, то есть от фактов общественности. Дух – не общество и не тело: дух есть вся сумма психических фактов, отличающих индивидуальное существование живых произведений природы» [Троицкий, 1885, с. 3]. Далее он поясняет, о каких именно фактах идет речь: «Психическими фактами называются факты сознания, или факты чувства, ума и воли, которые достигают своего единства в фактах личности» [Троицкий, 1885, с. 3]. Деление всех душевных явлений на три большие группы (познавательные, эмоциональные, волевые) является классическим для эмпирической психологии.

Схожей позиции в вопросе о предмете психологии придерживался и ординарный профессор Московского университета Н. Я. Грот, занимавший положение между эмпирическим и естественнонаучным течениями в отечественной психологии; в статье 1895 года «Основания экспериментальной психологии», изданной позже отдельной брошюрой, он утверждал, что психология как наука изучает законы и связи душев-

ных явлений, состояний и фактов, причем независимо от процессов, происходящих в головном мозге [Грот, 1896]. В таком определении предмета психологии разводятся понятия душевного явления и душевного факта и четко прослеживается приверженность автора концепции психофизического параллелизма.

К началу XX века три указанных ученых уже умерли (в 1890 году – Владиславлев, в 1899 – Троицкий и Грот) и на передний план выходят два других представителя эмпирической психологии – Г. И. Челпанов и А. П. Нечаев.

Г. И. Челпанов считал, что «психология есть наука о душевных явлениях или о законах душевной жизни» [Челпанов, 2023, с. 9]. Стремясь продемонстрировать отличие психологии от естественных наук, он писал в своей последней крупной работе «В самых общих выражениях мы можем сказать, что задача психологии заключается в нахождении законов душевных явлений... психология ставит себе задачу определить причинную связь между психическими явлениями... психология изучает душевные явления в отличие от естественных наук, которые изучают явления природы» [Челпанов, 2024, с. 5–6]. Под душевными (психическими) явлениями ученый понимал человеческие чувства, представления, мысли, желания и т. д., а основным методом их изучения считал интроспекцию при вспомогательной функции эксперимента.

Сходным образом предмет психологии определял и А. П. Нечаев, несмотря на некоторые расхождения методологического толка между ним и Г. И. Челпановым (например, о роли эксперимента в психологии): «Таким образом, теперь психология может быть определена как наука о душевных явлениях» [Нечаев, 1915, с. 12].

Подводя промежуточный итог можно сказать, что основные представители российской эмпирической психологии считали предметом психологии душевные (психические) явления.

Борьба за предмет психологии в дореволюционный период. В дореволюционный период в отечественной психологии сосуществовали три направления, приверженцы каждого из которых по-своему определяли ее предмет. Прояснение предмета любой науки является критически важным не только с методологической точки зрения (что изучать?), но и с точки зрения «права на существование» – лишь та наука существует «на самом деле», которая имеет свой специфический предмет (хотя отдельные стороны этого предмета могут изучаться различными дисциплинами:

так, феномен личности находится в исследовательском фокусе не только психологии, но и социологии, и философии).

Сторонникам эмпирической психологии было необходимо ограничить предмет своей науки от философии, из лона которой она вышла. А так как последняя в течение многих столетий изучала в том числе природу (сущность) души, то именно этим и не должны были заниматься психологи. Достаточно категорично по этому вопросу высказывался Г. И. Челпанов: «Философское рассмотрение души, поэтому, для психологии как науки о душевных явлениях оказывается совершенно излишним. Мало того, природу психических явлений можно изучать и в том случае, если мы совсем не признаем существования души. Таким образом, возникает пресловутая психология без души, то есть психология без допущения гипотезы души» [Челпанов, 2022, с. 73]. Считая, что вопрос о том, существует душа или нет, находится за пределами психологии как науки, Челпанов пишет о «гипотезе души», оставляя ее «проверку», видимо, философам. Схожей позиции придерживался и А. П. Нечаев («С этой точки зрения, и предметом психологии как науки должно служить изучение законов душевных явлений, а не решение вопроса о сущности душевного мира или внутренней природы души» [Нечаев, 1911, с. 22]).

Однако позже риторика Г. И. Челпанова стала более примирительной, допуская слияние философского и эмпирического течений: «Прежде думали, что есть две психологии, именно: психология рациональная и психология эмпирическая. Различие между этими двумя психологиями заключалось в том, что психология рациональная изучает свойства души, именно, есть ли она что-либо материальное или нематериальное, смертное и бессмертное и т. п. Психология эмпирическая занимается исследованием душевных явлений. Различие в названиях происходило оттого, что эмпирическая психология разрабатывается путем исследования того, что дается в опыте, рациональная же психология разрабатывается путем умозрения, умозаключения или рассуждения... В настоящее время такого самостоятельного существования двух психологий допустить нельзя... Полная система психологии должна состоять из двух частей и именно потому, что умозрение и опытное познание не могут быть совершенно отделены друг от друга» [Челпанов, 2023, с. 10]. Тем не менее, возврат к исследованиям сущности души как единственному пред-

мету изучения грозил возвратом психологии в состав философии, то есть потерей своей столь долго и трудно завоеванной научной независимости (хотя бы декларируемой и не всеми разделяемой).

Позиция сторонников эмпирической психологии не могла не вызвать сопротивление со стороны представителей философского направления, которые считали сферу души «своей» в течение многих столетий. Еще в 1903 году Л. М. Лопатин с оттенком горечи констатировал, что «вопрос о существовании души отступил на второй план или даже совсем был выброшен из психологии. Предметом психологических исследований были признаны явления души, помимо вопроса о том, кто и что их переживает» [Лопатин, 1903, с. 3-4]. Однако наиболее ярко данную позицию осветил в переломном 1917 году философ-идеалист С. Л. Франк в своей работе «Душа человека: Опыт введения в философскую психологию» [Франк, 1995]. Он констатирует: новые течения в отечественной психологии, такие как эмпирическая и естественнонаучная ее ветви, отрицают психологию как науку о душе; они не предлагают новые учения о душе, как это было в течение тысячелетий, а отмечают сам этот конструкт, предлагая заменить его на «душевные явления», которые видятся автору оторванными от внутренней почвы и связанными лишь с внешним, физическим миром (критика справедливая для естественнонаучной, но не для эмпирической психологии). Далее он указывает, что современная психология считает сама себя естественным, и, следовательно, психологией считаться не может. Главных обвинений в адрес эмпирической психологии, согласно С. Л. Франку, два, и оба носят методологический характер: во-первых, произошла подмена предмета психологии (вместо изучения природы души, под которой он понимал внутренний, субъективный мир человека, стали изучаться душевные явления), во-вторых – подмена метода (вместо умозрительного метода – самонаблюдение и эксперимент).

Несмотря на противодействие сторонников философской психологии, к 1917 году можно констатировать победу в методологической борьбе приверженцев ее эмпирического направления, что признавали даже такие апологеты спиритуализма, как Л. М. Лопатин и С. Л. Франк. Однако вскоре ситуация радикальным образом переменялась.

Борьба за предмет психологии в послереволюционный период. Главный «конкурент» эм-

пирической психологии сошел со сцены в течение пяти лет после Октябрьской революции. В 1922 году закрылось Московское психологическое общество, на «философском пароходе» отправились в вынужденную эмиграцию многие интеллектуалы, составлявшие цвет русской дореволюционной мысли. Среди них были и философы, разрабатывавшие психологическую проблематику – Н. О. Лосский, С. Л. Франк и другие. Набор обвинений новой власти в их адрес вскоре станет традиционным по отношению к «бывшим» – идеализм, реакционность, монархизм, религиозное мракобесие... В этих условиях активное наступление на методологические позиции эмпирической психологии повели представители другого ее крыла – естественнонаучного, поддержанного новоявленными психологами-марксистами.

Еще в 1907 году В. М. Бехтерев выступал как против предмета эмпирической психологии («В объективной психологии, которой мы намерены посвятить настоящий труд, не должно быть места вопросам о субъективных процессах или процессах сознания» [Бехтерев, 1991, с. 3]), так и против ее основного метода («Объективная психология человека, не нуждаясь в самонаблюдении, имеет в виду лишь одни объективные факты и данные, которые являются результатом его нервно-психической деятельности» [Бехтерев, 1991, с. 14]). Однако до Октябрьской революции позиция Бехтерева и его сотрудников не имела решающего влияния, так как Г. И. Челпановым и его сторонниками была налажена система «производства» кадров для эмпирической психологии (педагогическая и исследовательская деятельность Психологического института, зарубежные командировки в центры зарубежной интроспективной психологии, издание учебников, которые отражали позицию апологетов эмпирического подхода и др.). Многие ученые считали «настоящей» именно интроспективную психологию, а объективную психологию, позже переименованную в рефлексологию, относили к физиологическим наукам.

Ситуация стала меняться в начале 1920-х годов. Помимо В. М. Бехтерева, который еще с царских времен слыл прогрессивным общественным и научным деятелем, и имел репутацию материалиста, против эмпирической психологии и лично Г. И. Челпанова (никогда не скрывавшего своих идеалистических взглядов) выступил ряд психологов, некоторые из которых (П. П. Блонский, К. Н. Корнилов) были его пря-

мыми учениками и до 1917 года вполне разделяли методологические взгляды своего учителя.

В 1921 году П. П. Блонский в «Очерке научной психологии» писал: «Вслед за американскими психологами условимся называть совокупность движений живого существа поведением живого существа. Психология с этой точки зрения может быть определена как наука о поведении живых существ» [Блонский, 1921, с. 10]. Для того, чтобы отмежеваться от эмпирической, да и вообще от дореволюционной психологии в целом, он указывал, что «Мы (психологи-марксисты – авт.) должны создать психологию без души, мы должны создать ее “без явлений”, или “способностей” души и без сознания» [Блонский, 1921, с. 41]. Эта работа стала первым сигналом к трансформации всей отечественной психологии в духе поведенчества.

В январе 1923 года прошел Первый Всероссийский съезд по психоневрологии. На нем с лозунгом о марксистской перестройке психологии выступил К. Н. Корнилов, который в дореволюционный период занимался преимущественно экспериментальной работой и не отметился какими-либо философскими трудами (в отличие от того же Блонского); однако революционный энтузиазм в 1920-е годы мог значить больше, чем знания в той или иной области. В том же году он издал книгу-манифест своего подхода в психологии, названного реактологией. Считая ее марксистской альтернативой старой эмпирической психологии, он писал: «Ставя перед собой широкую задачу – изучения поведения человека, понимая под этим поведением совокупность реакций человека на био-социальные раздражители, я начал изучение этих реакций не с теоретического, а с экспериментального их исследования и обоснования, ибо считал, что только на почве строго-научного экспериментального изучения того объекта, который кладется в основу всех построений, возможно делать те или иные теоретические выводы» [Корнилов, 1922, б/с]. Таким образом, К. Н. Корнилов также считал предметом новой психологии не душевные явления, а поведение человека.

В конце 1923 года Г. И. Челпанов был снят с руководства Психологическим институтом, его на этом посту заменил Корнилов, который перестроил научную деятельность этого учреждения согласно своей реактологической исследовательской программе. Лишившись руководящей должности, Челпанов на некоторое время, в условиях нэпа, сохранил возможность издавать

свои работы в частных типографиях. В борьбе с поведенчеством за предмет психологической науки в середине 1920-х годов он придерживался нескольких тактик.

Согласно первой из них, он стремился показать, что психология должна изучать нематериальные явления, то есть явления души, а не природы. Еще в дореволюционный период Челпанов четко разделял душевные явления и явления физического мира. В «Учебнике психологии» он указывал, что первые не могут быть воспринимаемы и познаваемы через внешние органы чувств, а доступны, в отличие от вторых, лишь самонаблюдению; душевные явления доступны лишь самому исследователю, в отличие от физических, которые могут быть наблюдаемы большим количеством лиц; наконец, материя, в отличие от психики, обладает свойством материальной протяженности [Челпанов, 2023]. Проведя такую методологическую границу между психологией и науками о природе, Челпанов писал, что, отвергая реальность сознания и вместе с тем допустимость субъективного метода в психологии, русский читатель строит в своем уме такую психологию, которая вместо явлений сознания изучает различные рефлексы при помощи объективного метода. Такой научной дисциплиной он предполагает заменить прежнюю психологию. Кроме того, он убежден, что такая научная дисциплина уже достаточно разработана и содержится в сочинениях Бехтерева и Павлова. «Я хочу показать, что в сочинениях Бехтерева и Павлова он не найдет того, что ищет, ибо “объективная психология” или “рефлексология” Бехтерева есть не что иное, как прежняя психология с присоединением только лишь попытки сведения различных видов душевной жизни к рефлексам; а учение об условных рефлексах Павлова есть, по его собственному признанию, не что иное, как чистая физиология мозга. В качестве таковой она, конечно, не может замещать психологии» [Челпанов, 1925а, с. 5]. Челпанов стремился показать, что его научные оппоненты хотят вместо душевных явлений изучать явления физиологические, тем самым заменяя психологию физиологией. Следовательно, если психология хочет сохраниться в качестве самостоятельной науки, ей следует сохранить и свой предмет (душевные явления), и свой метод (самонаблюдение).

Вторая тактика подразумевала борьбу с обвинениями в идеализме. Так, в 1925 году Челпанов писал, что «Научная психология в России в 1922 году должна была подвергнуться реформе

в согласии с идеологией марксизма. Некоторые лица (Блонский, Корнилов) предложили провести такую реформу таким образом, чтобы вместо психологии, будто бы содержащей какие-то идеалистические элементы, ввести рефлексологию. Другими словами, психологию, которая имеет исходным пунктом внутренний опыт, заменить исключительно объективным изучением физиологических процессов и внешних выражений» [Челпанов, 1925б, с. 7]. Еще более четко он доказывал неидеалистический характер эмпирической психологии в работе 1927 года «Спинозизм и материализм», в которой писал, что «современная научная психология считается эмпирической, то есть другими словами, отмежевывается от всякой метафизики и идеализма. Поэтому психология никак не может быть идеалистической» [Челпанов, 1927, с. 41]. Реализовывать эту тактику ему было довольно сложно, так как он не скрывал своих идеалистических взглядов ни до, ни после революции. В этой ситуации Г. И. Челпанов позиционировал себя в качестве идеалиста в философии, однако в психологии, по описанной выше причине, он идеалистом быть не мог, так как эмпирическая психологии не допускает по отношению к себе идеализма в принципе. Вообще, позиция и Челпанова, и Нечаева в те годы была в основном следующей: эмпирическая психология как «чистая» наука не может быть ни идеалистической, ни материалистической. Они пытались противодействовать попыткам К. Н. Корнилова и П. П. Блонского «прицепить» психологию к марксизму, демонстрируя ее как бы внефилософский в этом смысле статус (это была вполне позитивистская логика – наука не нуждается во «внешнем» по отношению к ней философском базисе, она сама себе является философией).

Согласно третьей тактике, следовало дискредитировать К. Н. Корнилова и В. М. Бехтерева как марксистов, а их подходы оценить как антимарксистские. Действительно, создатели реактологии и рефлексологии не были философами и их познания в этой области оставляли желать лучшего. «Попытки сводить душевные явления к материальным или заменять изучение душевных явлений материальными есть механический материализм. К механическому материализму, иначе называемому вульгарным, Маркс, Энгельс и марксисты всегда относились решительно отрицательно» [Челпанов, 1925б, с. 15]. Критикуя своих критиков за отказ от изучения сознания и изучения посредством сознания, Г. И. Челпа-

нов писал, что «Рефлексология, делающая попытку сводить психические явления к физиологическим есть вид механического материализма и находится в решительном противоречии с марксистской философией. Ко всякой попытке сводить психическое к физиологическому относились отрицательно Фейербах, сам Маркс, Энгельс и Дицген. Их гуманистический материализм требовал признание реальности сознания в такой же мере, как и реальности материи» [Челпанов, 1925б, с. 15]. Основные обвинения Челпанова в адрес представителей поведенчества сводились к тому, что они применяют марксизм к психологии формально, сами их знания в его области поверхностны, и тот материализм, который они пытаются внедрить в психологию, есть материализм не диалектический, а вульгарный. Следовательно, поведенчество не соответствует философии марксизма, а, значит, не может быть использовано для «замены» эмпирической психологии в новых социально-политических условиях.

В борьбе за предмет психологии в послереволюционный период сторонники эмпирического подхода победить не могли. Несмотря на логичность аргументации Челпанова, судьба возглавляемого им направления была предрешена не только по идеологическим причинам, но и по предметно-логическим – время интроспекционизма уже прошло. Со сворачиванием нэпа Челпанов лишился возможности публиковать свои полемические работы, и эмпирическая психология потеряла своего последнего апологета. С конца 1920-х годов и до начала 1990-х в советской науке она оценивалась в основном негативно.

Заключение

Как известно, для того, чтобы семена тех или иных идей «проросли» в социуме (или какой-то его части), требуется определенная готовность к ним членов этого общества. Научное сообщество в этом смысле не является исключением.

Успех эмпирической психологии в нашей стране в дореволюционный период был вызван различными причинами: методологической современностью (душевные явления вместо души в качестве предмета, интроспекция вместо умозрительного метода), институционально-организационным (создание Московского психологического общества и Психологического института, открытие психолого-педагогических лабораторий, организация научных съездов) и личностным (организационный, исследователь-

ский и педагогический энтузиазм представителей эмпирической психологии) факторами; социально-политическая среда в то время если и не благоприятствовала явно этому направлению, то во всяком случае и не препятствовала ему. Также успеху эмпирической психологии способствовало то, что полученные в ее русле научные результаты могли быть применены на практике, например, в рамках педагогической психологии (А. П. Нечаев и др.).

Причины краха эмпирической психологии в 1920-х годах являются как бы инвертированными версиями причин ее успеха: методологическая устарелость (к 1925 году душевные явления как предмет психологии и самонаблюдение как ведущий метод уже выглядели анахронизмом, на Западе еще в 1910-х активно развивались психоанализ, бихевиоризм и гештальт-психология как альтернативы интроспективному подходу), институционально-организационный упадок (заккрытие Московского психологического общества, смена руководства и исследовательской программы Психологического института, организация психологических съездов представителями поведенчества), негативное влияние личностного фактора (уход из жизни ряда влиятельных в науке сторонников эмпирической психологии, революционный энтузиазм молодых ученых, стремящихся перестроить психологию на марксистский лад); социально-политическая среда Советской России явно препятствовала существованию эмпирической психологии, представители которой обвинялись в идеализме и противодействии новым, материалистическим веяниям.

Итак, известная максима о том, что всему – свое время, применима, по всей видимости, и к истории эмпирической психологии. Прогрессивная для своего времени, предложившая специфический предмет и метод исследования, позволившие сепарироваться от философии и не дать поглотить себя физиологией, давшая определённые научные результаты и вырастившая в своем лоне несколько поколений психологов, эмпирическая психология «подзадержалась» в нашей стране. В 1910-х годах в Европе и США уже нечасто можно было услышать голоса в поддержку интроспективной психологии (во всяком случае в ее вундтовской версии), однако в России сначала из-за Первой мировой, затем из-за Гражданской войны, когда связи с западной наукой были нарушены, процесс угасания методологически и теоретически исчерпавшей себя эмпирической психологии заметно затянулся,

в силу чего она смогла дать свой «последний бой» на российской (советской) земле в середине 1920-х годов. Однако научные и организационные заслуги представителей этого направления перед психологической наукой сложно переоценить.

Библиографический список

1. Бехтерев В. М. Объективная психология / редкол. А. В. Брушлинский [и др.]; изд. подгот. В. А. Кольцова; отв. ред. тома Е. А. Будилова, Е. И. Степанова. Москва : Наука, 1991. 475 с.
2. Блонский П. П. Очерк научной психологии. Москва : Государственное изд-во, 1921. 94 с.
3. Богданчиков С. А. Открывая Г. И. Челпанова: Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы : научная монография. Москва : Директ-Медиа, 2013. 428 с.
4. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2003. 666 с.
5. Будилова Е. А. Труды по истории русской психологической мысли: вторая половина XIX–начало XX века / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. Москва : Наука, 2008. 390 с.
6. Владиславлев М. И. Психология. Т. 1. Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и комп., 1881. 610 с.
7. Власов Н. А. Теоретические аспекты изучения истории понятий психологической науки // Методология современной психологии. Вып. 21 / под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова [и др.]. Ярославль : ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2024. С. 39–46.
8. Власов Н. А. История понятий как перспективное направление историко-психологических исследований / Н. А. Власов, В. А. Мазилев // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 93–103. doi: 10.20323/1813-145X_2023_4_133_93.
9. Грот М. Я. Основания экспериментальной психологии: Отт. из ноябр. кн. журн. «Вопросы философии и психологии». Москва : Типолиитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1896. 55 с.
10. Ждан А. Н. История психологии: от Античности до наших дней. Москва : Академический проект, 2024. 510 с.
11. Корнилов К. Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»): Экспериментально-психологическое исследование из Лаборатории Психологического научно-исследовательского института при Московском университете. Москва : Государственное изд-во, 1922. 228 с.
12. Лопатин Л. М. Курс психологии. Лекции, читанные на Историко-Филологическом факультете Императорского Московского Университета и на Высших Женских Курсах в 1903–1904 ак. году. Москва : Типо-Литогр. Ю. Венер, 1903. 230 с.
13. Мазилев В. А. Методология психологической науки: история и современность : монография. Ярославль : МАПН, 2007. 352 с.
14. Мазилев В. А. Предмет психологии : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
15. Мазилев В. А. Стены и мосты : методология психологической науки : монография. Ижевск : ERGO, 2015. 196 с.
16. Мазилев В. А. М. С. Роговин и исследование понятий психологической науки / В. А. Мазилев, Н. А. Власов // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 6–21. doi: 10.17223/17267080/91/1.
17. Нечаев А. П. Очерки психологии для воспитателей и учителей. Санкт-Петербург : Типография П. П. Сойкина, 1911. 352 с.
18. Нечаев А. П. Учебник психологии для средних учебных заведений. Петроград : Типография П. П. Сойкина, 1915. 155 с.
19. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. Москва : Педагогика, 1984. 272 с.
20. Петровский А. В. История советской психологии: Формирование основ психологической науки. Москва : Просвещение, 1967. 367 с.
21. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. Москва : Институт психологии РАН, 1997. 576 с.
22. Рубцов В. В. К 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова / В. В. Рубцов, О. Е. Серова, Е. П. Гусева // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 92–109.
23. Троицкий М. М. Современное учение о задачах и методах психологии: Речь, произнесенная в первом публичном заседании Психологического общества, состоящем при Императорском Московском университете, 14 марта 1885 г. Москва : Типография В. А. Гатцук, 1885. 40 с.
24. Франк С. Л. Предмет знания об основах и пределах отвлеченного знания; Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. Санкт-Петербург : Наука, 1995. 655 с.
25. Челпанов Г. И. Объективная психология в России и Америке. Москва : Изд-во Т-ва «А.В. Думнов и Ко», 1925а. 81 с.
26. Челпанов Г. И. Очерки психологии: Систематическое изложение основных разделов психологической науки. Москва : Ленанд, 2024. 264 с.
27. Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства. Ч. 1: Представление пространства с точки зрения психологии. Киев : типолиитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1896. 387 с.
28. Челпанов Г. И. Психология и марксизм. Москва : Русский книжник, 1925б. 30 с.
29. Челпанов Г. И. Психология и школа. Москва : Ленанд, 2022. 214 с.
30. Челпанов Г. И. Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии). Москва : Издание автора, 1927. 47 с.

31. Челпанов Г. И. Учебник психологии. Москва : Юрайт, 2023. 221 с.

32. Ярошевский М. Г. История психологии. Москва : Мысль, 1985. 575 с.

Reference list

1. Behterev V. M. Objektivnaja psihologija = Objective psychology / redkol. A. V. Brushlinskij [i dr.]; izd. podgot. V. A. Kol'cova; otv. red. toma E. A. Budilova, E. I. Stepanova. Moskva : Nauka, 1991. 475 s.

2. Blonskij P. P. Oчерk nauchnoj psihologii = Essay on scientific psychology. Moskva : Gosudarstvennoe izd-vo, 1921. 94 s.

3. Bogdanchikov S. A. Otkryvaja G. I. Chelpanova: G. I. Chelpanov i ego shkola v kontekste istorii rossijskoj psihologii: issledovanija i materialy = Opening G. I. Chelpanov: G. I. Chelpanov and his school in the context of the history of Russian psychology: research and materials : nauchnaja monografija. Moskva : Direkt-Media, 2013. 428 s.

4. Bol'shoj psihologičeskij slovar' = Great psychological dictionary / pod red. B. G. Meshherjakova, V. P. Zinchenko. Sankt-Peterburg : Prajm-Evroznak, 2003. 666 s.

5. Budilova E. A. Trudy po istorii russoj psihologičeskoj mysli: vtoraja polovina XIX–nachalo HH veka = Works on the history of Russian psychological thought: the second half of the XIX–beginning of the XX century / otv. red. A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'cova, T. I. Artem'eva. Moskva : Nauka, 2008. 390 s.

6. Vladislavlev M. I. Psihologija = Psychology. T. 1. Sankt-Peterburg : Tipografija V. Bezobrazova i komp., 1881. 610 s.

7. Vlasov N. A. Teoreticheskie aspekty izuchenija istorii ponjatij psihologičeskoj nauki = Theoretical aspects of studying the history of the concepts of psychological science // Metodologija sovremennoj psihologii. Vyp. 21 / pod red. V. V. Kozlova, A. V. Karpova [i dr.]. Jaroslavl' : JarGU, LKIISI RAN, MAPN, 2024. S. 39–46.

8. Vlasov N. A. Istorija ponjatij kak perspektivnoe napravlenie istoriko-psihologičeskix issledovanij = The history of concepts as a promising area of historical and psychological research / N. A. Vlasov, V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2023. № 4 (133). S. 93–103. doi: 10.20323/1813-145X_2023_4_133_93.

9. Grot M. Ja. Osnovanija jeksperimental'noj psihologii: Ott. iz nojabr. kn. zhurn. «Voprosy filosofii i psihologii» = Foundations of experimental psychology: from November journal «Questions of Philosophy and Psychology». Moskva : Tipolitografija tovarishhestva I. N. Kushnerev i K°, 1896. 55 s.

10. Zhdan A. N. Istorija psihologii: ot Antichnosti do nashix dnej = History of psychology: from antiquity to the present day. Moskva : Akademicheskij proekt, 2024. 510 s.

11. Kornilov K. N. Uchenie o reakcijah cheloveka c psihologičeskoj točki zrenija («Reaktologija»): Jeksperimental'no-psihologičeskoe issledovanie iz Laboratorii Psihologičeskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta

pri Moskovskom universitete = The doctrine of human reactions from a psychological point of view («Reactology»): Experimental psychological research from the Laboratory of the Psychological Research Institute at Moscow University. Moskva : Gosudarstvennoe izd-vo, 1922. 228 s.

12. Lopatin L. M. Kurs psihologii. Lekcii, chitannye na Istoriko-Filologičeskom fakul'tete Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta i na Vysshix Zhenskix Kursah v 1903–1904 ak. Godu = Psychology course. Lectures given at the Faculty of History and Philology at Imperial Moscow University and at the Higher Women's Courses in 1903–1904 ac. year. Moskva : Tipo-Litogr. Ju. Vener, 1903. 230 s.

13. Mazilov V. A. Metodologija psihologičeskoj nauki: istorija i sovremennost' = Methodology of psychological science: history and modernity : monografija. Jaroslavl' : MAPN, 2007. 352 s.

14. Mazilov V. A. Predmet psihologii = Subject of psychology : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.

15. Mazilov V. A. Steny i mosty : metodologija psihologičeskoj nauki = Walls and Bridges: psychological science methodology : monografija. Izhevsk : ERGO, 2015. 196 s.

16. Mazilov V. A. M. S. Rogovin i issledovanie ponjatij psihologičeskoj nauki = M. S. Rogovin and the study of the concepts of psychological science / V. A. Mazilov, N. A. Vlasov // Sibirskij psihologičeskij zhurnal. 2024. № 91. S. 6–21. doi: 10.17223/17267080/91/1.

17. Nechaev A. P. Oчерki psihologii dlja vospitatelej i uchitelej = Essays on psychology for educators and teachers. Sankt-Peterburg : Tipografija P. P. Sojkina, 1911. 352 s.

18. Nechaev A. P. Uchebnik psihologii dlja srednix uchebnyh zavedenij = Psychology textbook for secondary schools Petrograd : Tipografija P. P. Sojkina, 1915. 155 s.

19. Petrovskij A. V. Voprosy istorii i teorii psihologii: izbrannye trudy = Questions of history and theory of psychology: selected works Moskva : Pedagogika, 1984. 272 s.

20. Petrovskij A. V. Istorija sovetskoj psihologii: Formirovanie osnov psihologičeskoj nauki = History of Soviet psychology: Formation of the foundations of psychological science. Moskva : Prosveshhenie, 1967. 367 s.

21. Psihologičeskaja nauka v Rossii XX stoletija: problemy teorii i istorii = Psychological science in Russia of the XX century: problems of theory and history / pod red. A. V. Brushlinskogo. Moskva : Institut psihologii RAN, 1997. 576 s.

22. Rubcov V. V. K 150-letiju so dnja rozhdenija Georgija Ivanoviča Chelpanova = To the 150-th anniversary of the birth of Georgy Ivanovich Chelpanov / V. V. Rubcov, O. E. Serova, E. P. Guseva // Kul'turno-istoričeskaja psihologija. 2012. № 1. S. 92–109.

23. Troickij M. M. Sovremennoe uchenie o zadachah i metodah psihologii: Rech', proiznesennaja v pervom

publichnom zasedanii Psihologicheskogo obshhestva, sostojashhem pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 14 marta 1885 g. = Modern doctrine of the tasks and methods of psychology: Speech delivered at the first public meeting of the Psychological Society, consisting of Imperial Moscow University, March 14, 1885. Moskva : Tipografija V. A. Gatcuk, 1885. 40 s.

24. Frank S. L. Predmet znanija ob osnovah i predelah otvlechnogo znanija; Dusha cheloveka: Opyt vvedenija v filosofskuju psihologiju = The subject of knowledge about the basics and limits of abstract knowledge; Human soul: Experience of introducing philosophical psychology. Sankt-Peterburg : Nauka, 1995. 655 s.

25. Chelpanov G. I. Ob#ektivnaja psihologija v Rossii i Amerike = Objective psychology in Russia and America. Moskva : Izd-vo T-va «A.V. Dumnov i Ko», 1925a. 81 s.

26. Chelpanov G. I. Oчерки психологии: Sistematicheskoe izlozhenie osnovnyh razdelov psihologicheskoi nauki = Essays on psychology: A systematic presentation

of the main sections of psychological science. Moskva : Lenand, 2024. 264 s.

27. Chelpanov G. I. Problema vosprijatija prostranstva. Ch. 1: Predstavlenie prostranstva s točki zrenija psihologii = Space perception problem. Part 1: Representation of space from the point of view of psychology. Kiev : tipolitografija tovarishhestva I. N. Kushnerev i K^o, 1896. 387 s.

28. Chelpanov G. I. Psihologija i marksizm = Psychology and marxism. Moskva : Russkij knizhnik, 1925b. 30 s.

29. Chelpanov G. I. Psihologija i shkola = Psychology and school. Moskva : Lenand, 2022. 214 s.

30. Chelpanov G. I. Spinozizm i materializm (Itogi polemiki o marksizme v psihologii) = Spinosism and materialism (Results of the Marxism controversy in psychology). Moskva : Izdanie avtora, 1927. 47 s.

31. Chelpanov G. I. Uchebnik psihologii = Psychology textbook. Moskva : Jurajt, 2023. 221 s.

32. Jaroshevskij M. G. Istorija psihologii = History of psychology. Moskva : Mysl', 1985. 575 s.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024; одобрена после рецензирования 18.12.2024; принята к публикации 23.01.2025.

The article was submitted 17.11.2024; approved after reviewing 18.12.2024; accepted for publication 23.01.2025